

В. В. НИМЧУК (Киев)

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КАЛЬКАХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В языке, на протяжении длительного времени контактирующем с соседними языками, обнаруживаются не только прямые, преимущественно очевидные лексические заимствования, но и имплицитные — кальки, что убедительно показал, в частности, известный венгерский лингвист Л. Кишш (Kiss 1976).

Длительное контактирование приводит к калькированию даже лексико-грамматических (морфологических) средств. Выявить их можно только при сопоставительно-историческом изучении контактирующих языков. Однако надо иметь в виду, что аналогичные морфологические средства на основе словоформ полнозначных лексем могут развиваться и независимо в контактирующих языках, т. е. проявляется универсальная языковая тенденция. Важным доказательством того, что новое значение отдельного слова или словосочетания возникло не в результате внутреннего развития данного языка, а под влиянием другого, служат прочность, глубина контактов и превалирующее направление заимствований в тот или иной период. При этом необходимо учитывать типичность или нетипичность для данного языка, языковой семьи конкретно взятых элементов, их историю.

Венгерский язык свыше тысячи лет контактирует со славянскими, причем самыми старыми являются его связи с древнерусским языком. Исследование венгерско-древнерусских языковых взаимосвязей уже началось (Рот 1973 : 161—269), а изучение общей проблемы венгерско-славянских лексических контактов имеет свою историю. Объект наших наблюдений — славянско-венгерские лексико-грамматические совпадения в области глагола и имени числительного.

1. В сфере морфологии глагола в венгерском языке обращают на себя внимание формы 1-го и 3-го лица повелительного наклонения с частицей *hadd* 'пусть, пускай, да': *hadd írjon* 'пусть пишет', *hadd menjen* 'пусть идет', *hadd lássam* 'мне хочется видеть, я хотел бы видеть' и т. д. Однако формы повелительного наклонения употребляются и без частицы *hadd*: *írjon*, *menjen*. При формах повелительного наклонения указанная частица фиксируется с XIV в.: *Es monda bolog ferencz: had zolyonak* (TESz II 14). В венгерской лингвистике существует мнение о том, что она развилась из формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения глагола *hagy(ni)* 'оставлять, допускать': *hagyd*, *hogy menjen!* 'оставь, пусть идет!' → *hagyd! menjen!* 'оставь!, пусть идет!' → *hadd menjen!* 'пусть идет!' (там же).

Аналитические формы повелительного наклонения присущи и славянской грамматической системе. Почти во всех славянских языках на основе формы 2-го лица повелительного наклонения континuantов праславянского глагола **nexati* (**nexajati*) развились частицы, которые, соединяясь с формой 3-го лица настоящего времени изъявительного наклонения глагола, употребляются для выражения 3-го лица повелительного наклонения: сербскохорв. *нека* ← *nex-ka* (S I 648), сербскохорв. диал., словен. *naj*←*nexaj*, словац. *nexh*, старочеш. *nexajť*, *nexajžť*, *nexať*, чеш. *nexh*, *nexť*, старопол. *niechać*, *niecha*, пол. *niech*, *niechaj*, укр. *нехай*, *хай*, укр. диал. *най* (СУМ V 96) ←*нагай*←*нехай*, рус. диал. *нехай* (Д II 542). На первой стадии, до перехода в класс частиц, формы повелительного наклонения имели значение 'перестань, прекрати, не трогай, разреши' и т. п. В русском языке побудительная частица развилась из семантически близкого глагола *пускать* (*пустить*) — *пускай* (*пусть*).

Славянские частицы *nexajť* (G II 547), *нехай* (ССУМ II 44) и т. п. известны с XIV—XV вв. Возникновение их вызвано тем, что в славянских языках не было специальных морфологических средств (флексий) для выражения повелительного наклонения в 3-м лице единственного и множественного числа. В старославянском языке для образования форм повелительного наклонения в указанных лицах использовалась частица *да*, в старых западнославянских и древнерусском наряду с ней употреблялась частица *ати*, *аť*←*а ти*. Эту же функцию в большинстве славянских языков взяли на себя частицы *нехай* (*хай*), *niech*, *nexh*, *нека*. Такой необходимости не было в венгерском языке, где для выражения повелительного наклонения издревле имелись специальные аффиксы для всех лиц (-*j* или -*ja*, -*je*). Частица *hadd* при формах повелительного наклонения здесь по существу является усилительной или избыточной (MĚKSz 495). Поэтому предполагаем, что слово *hadd*←*hagyd* при формах повелительного наклонения в венгерском языке появилось в результате калькирования славянского слова *nexajť* в период, когда оно еще сохраняло лексическое значение. Интересно отметить, что в диалектах венгерского языка *hadd* употребляется с формой изъявительного наклонения, подобно слав. *нехай*, *nexh* и др. (MĚKSz 495).

Побудительно-повелительные слова или конструкции нередко заимствуются или калькируются.

Характерно, что в хантыйском языке, входящем с венгерским и мансийским в одну языковую семью, повеление, обращенное к 3-му лицу (иногда и к 1-му), выражается аналитической конструкцией — частица *at* 'пусть' + форма настоящего времени изъявительного наклонения смыслового глагола (ОФУЯ 322). Вполне возможно, что *at* заимствована из древнерусского языка, в котором при помощи частицы *аť* (*аť*, *ати*) ← праслав. **a ti* (ЭССЯ I 40) образовывались формы 3-го лица повелительного наклонения.

Аналитические формы повелительного наклонения, в состав которых входят частицы, происходящие от глаголов со значением 'пускать, разрешать', и формы настоящего времени глагола, известны почти во всех прибалтийско-финских языках. Считается, что подобные аналитические конструкции возникли под влиянием русских конструкций типа *пусть я говорю* (Майтинская 1979 : 17). Под влиянием таких же русских конструкций сформировались аналитические повелительные (побудительные) формы в мордовских языках, в которых соответствующие частицы развились из форм глагола *kadoms/kadəms* 'оставить, разрешить' (там же 18). Вепский (*pušt*, *davai*) и карельский (*puš*, *davai*) языки даже заимствовали русские побудительные частицы *пусть*, *давай*. В прибалтийско-финских и саамском языках функционируют аналитические повели-

тельные (побудительные) формы, в состав которых входят частицы, восходящие к глаголам с семантикой 'дать', 'давать'. Они объясняются тоже как кальки русских конструкций типа *дай я пойду, дай он скажет* (там же 17).

2. Не менее интересным представляется еще одно совпадение в области морфологии глагола, а именно — образование аналитическим способом форм будущего времени. В венгерском языке, как известно, такие формы могут образовываться путем соединения вспомогательного глагола *fog* с бесприставочным инфинитивом глагола: *irni fogok, fogsz, fog* и т. д. Полнозначный глагол *fog* имеет значения 'хватать (схватить), брать (взять), ловить (поймать)'. Венгерское слово унаследовано из угорской эпохи (TESz I 934), но в функции вспомогательного глагола оно фиксируется только в XIV в., точнее — в 1372 г. (копия 1448 г.) в *Jókai=kódex*: «... *oly csudák láttatnak ez heggyben, hogy mindez világ csudálni fogja*» (Bárczi 1963 : 164). Венгерские историки языка считают, что функция вспомогательного глагола развилась, очевидно, рано на основании старого значения его 'kezd' ('начинает') (TESz I 934), несмотря на то что в значении 'kezd' это слово (*fog*) фиксируется почти на полтора столетия позже (1519 — *Debreceni Kódex*) (там же; см. еще Балашша 1951 : 265).

Синтетические формы будущего времени для выражения будущего длящегося (длительного) действия фиксируют древнейшие славянские письменные памятники, причем обычно это конструкции с личными формами глагола *имѣти* 'иметь, habége' и неопределенной формой глагола (Вайан 1952 : 377—378; Селищев 1952 : 175). Этимологически *имѣти* (*имамь*) связан с праслав. *jęti* (*јѣтѣ*) 'брать, хватать'.

В древнерусских памятниках встречаются аналогичные формы, представляющие соединение глагола *имѣти* (*имати*) с инфинитивом. Но гораздо чаще там зафиксированы формы, которые представляют собой соединение личных форм глагола *яти* ← *jęti* с инфинитивом. Предполагается, что это соединение было скорее свободным синтаксическим сочетанием, чем сложной аналитической формой. О довольно широком распространении указанных форм будущего времени в древнерусском языке говорит то, что они унаследованы всеми восточнославянскими языками. Формы будущего времени с глаголом *яти* — *иму, имеши(-ь), иметь* и т. д. продолжали употребляться и в старорусском языке, и в старобелорусском. В современных литературных русском и белорусском языках континуанты этих форм не употребляются, но сохраняются в диалектах (Буслаев 1959 : 362; Черных 1952 : 232). Формы будущего времени исследуемого типа характерны для украинского языка с древнейшего периода до наших дней (ИУМ 493—494). Следовательно, в древнерусскую эпоху формы будущего времени *яти* (*иму*) + инфинитив были повсеместными. Существовали ли они также в южно- и западнославянских языках — неизвестно, но употребление их в дописьменную эпоху вполне допустимо.

Необходимо отметить, что континуанты глагола *въз(ѣ)jęti* — деривата слова *jęti* — в сочетании с другими глаголами в славянских языках указывают на начало действия, например: рус. *Взяла... выговаривать; Горошина взяла расти* (СРНГ IV 271), укр. *До молодої вдови взяв залицятися... чиновник* (СУМ X 411). Глаголы со значением начала действия и во многих других языках мира часто используются для образования форм будущего времени.

Структурно-семантическая идентичность древнерусских (восточнославянских) форм будущего времени, состоящих из форм настоящего времени глагола *яти* 'брать, хватать' — *иму, имеши(-ь), иметь* и т. д. + инфинитив, и венгерских от глагола *fog* 'брать, хватать' — *fogok, fogsz,*

fog и т. п. + инфинитив — очевидна. Поскольку венгерский язык до появления исследуемой формы будущего времени длительное время контактировал со славянскими и заимствования преимущественно были направлены из славянских языков в венгерский, вполне возможно, что форма будущего времени *fogok* + инфинитив является калькой славянской (даже конкретнее — древнерусской) *иму* + инфинитив с того времени, когда лексическое значение форм глагола *jetī* в славянской конструкции еще не было ослаблено. Однако все же не исключена и возможность параллельного, независимого развития указанных форм.

Характерно, что в коми языке наряду с синтетической формой будущего времени функционирует аналитическая, которая образуется путем присоединения личных форм глагола *кутны* 'держат, хватают': *кута сёйны* 'буду есть, поешу', *кутан сёйны* 'будешь есть, поешешь' и т. д. Она, как правило, имеет значение русского будущего времени несовершенного вида (ОФУЯ 175) и не исключено, что сформировалась под влиянием северных древнерусских или северновеликорусских говоров, ибо в соседних финно-угорских языках не отмечается.

Способы образования форм будущего времени в принципе поддаются калькированию. Необходимо при этом вспомнить о морфологическом балканизме в системе соответствующих языков (сербскохорватский, болгарский, македонский, новогреческий, румынский, молдавский), в которых функционируют формы будущего времени, образующиеся при помощи глагола со значением 'хотеть'. По крайней мере восточнороманские формы с глаголом *a vrea* 'хотеть' + инфинитив можно объяснить как кальку с соответствующих южнославянских.

3. Характерной особенностью венгерского языка является образование числительных второго и третьего десятка путем соединения названий десятков в форме суперессивного падежа (аффикс *-n*) с названиями чисел первого десятка: *tizen-egy* 'одиннадцать' (букв. 'на десяти один'), *huszon-egy* 'двадцать один' (букв. 'на двадцати один') и т. д. Аналогичное расположение составных частей соответствующих числительных наблюдается в восточных диалектах хантыйского языка, в которых сложные числительные 11—18 образуются путем соединения: 10 + **ar(e)ki* 'больше, лишний, слишком, сверх меры' + слово, обозначающее соответствующую единицу (ОФУЯ 314—315). Однако тождественного с венгерским способа образования числительных, обозначающих 11—19, 21—29, исследователи не отмечают ни в одном из финно-угорских языков, в том числе мансийском и хантыйском.

Л. Киш высказал мнение о том, что венгерские числительные 11—19 являются кальками с соответствующих славянских, ср. старослав. *единъ на десате, дъва на десате* и т. д. (1973 : 175). Сомнения относительно славянского влияния на образование этого типа числительных в венгерском языке не сопровождаются контраргументами (TESz III 928). Очевидно, венгерские конструкции являются не полными, а частичными кальками. В порядке расположения их составных элементов сохраняется, вероятно, древний венгерский способ образования сложных числительных, аналогичный восточнохантыйскому. Конструкция с деэтимологизированным соединительным («серединным») элементом была изменена по славянскому образцу — 'на десяти один'. На такой путь образования венгерских числительных третьего десятка: *huszonegy* 'двадцать один', со структурой, тождественной строению числительных 11—19, указывает хантыйский язык, ведь в тех же восточнохантыйских говорах слова, обозначающие числа после 20, образуются как и числительные 11—19 (ОФУЯ 315).

Полностью со славянских скалькированы числительные 11—19 в восточнороманских языках: рум. *unsprezeci* 'одиннадцать', *doisprezeci*

'двенадцать' (ILR 325), молд. *унспрезече, дойспрезече* (СДЕЛМ 448, 118) (букв. 'один на десяти, два на десяти') и т. д. Как видим, калькирование структур числительных — распространенное явление.

Рассмотренные лексико-грамматические совпадения венгерской и славянской систем целесообразно изучить в типологическом плане на материале и других языковых семей для того, чтобы выяснить, в какой мере распространены указанные образования, ибо не исключается проявление в них более широкой (универсальной) тенденции развития грамматических средств на основе лексических ресурсов.

Сокращения

Д — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, Санктпетербург—Москва 1880—1882; **ИУМ** — Історія української мови. Морфологія, Київ 1978; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976; **СДЕЛМ** — Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть, Кишинэу 1978; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров 1—18, Москва—Ленинград 1965—1982; **ССУМ** — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. I—II, Київ 1977—1978; **СУМ** — Словник української мови I—XI, Київ 1970—1980; **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1—10, Москва 1974—1983; **G** = J. Gebauer, Slovník staročeský, I—II, Praha 1970; **ILR** — Istoria limbii române II, București 1969; **MEKSz** — Magyar értelmező kéziszótár, Budapest 1975; **S** — P. Skok, Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I—IV, Zagreb 1971—1974.

ЛИТЕРАТУРА

- Балашша И. 1951, Венгерский язык, Москва.
 Буслаев Ф. И. 1959, Историческая грамматика русского языка, Москва.
 Вайан А. 1952, Руководство по старославянскому языку, Москва.
 Киш Л. 1973, Кальки славянских слов в венгерской лексике. — *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 19, fasc. 1—3, Budapest.
 Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
 Рот А. М. 1973, Венгерско-восточнославянские языковые контакты, Budapest.
 Селищев А. М. 1952, Старославянский язык, ч. 2, Москва.
 Черных П. Я. 1952, Историческая грамматика русского языка, Москва.
 Bárczi G. 1963, A magyar nyelv életrajza, Budapest.
 Kiss L. 1976, Szláv tükörszók és tükörjelentések a magyarban, Budapest.

V. V. NIMCUK (Kiev)

ZUM PROBLEM DER SLAWISCHEN LEXIKALISCH-GRAMMATISCHEN LEHNÜBERSETZUNGEN IM UNGARISCHEN

Im Beitrag werden einzelne lexikalisch-grammatische Elemente des Ungarischen und der slawischen Sprachen in typologisch-historischer Hinsicht untersucht. Die Analyse läßt die Annahme zu, daß die ungarische Partikel *hadd* in den Formen des Imperativs eine Lehnübersetzung des slawischen *nexajb* ist und daß die Formen des Futurums vom Typus Hilfsverb *jog(ni)* + Infinitiv die Lehnübersetzungen des slawischen Modells *имамь* + Infinitiv sind. Die Struktur der ungarischen Numeralien 11 bis 19 ist nach dem slawischen Muster modelliert.